

*«Язык — это то, что должно либо принять, либо
покончить с собой»*

Р. Барт

ПСИХОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СУИЦИДАЛЬНОСТИ

Ткаченко Юрий Сергеевич

• Медицинский психолог в ГБУЗ РК «КРКПБ №1 им. Н.И. Балабана»

• Психолог медицинской академии С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Аннотация. Сквозь призму семиотического и психоаналитического подходов автор анализирует особый статус речи субъекта, структурно склонного к самоубийству. Теоретический анализ литературы, посвящённой исследованию психической структуры меланхолического субъекта, интерпретация текстов, интерсубъективных контекстов в психотерапевтическом пространстве и иных видов субъективной активности позволило

Существует ли речь самоубийцы? Говорится ли она живыми субъектами или мы обречены определять её таковой задним числом, когда последний переход к действию субъектом уже совершён? Природа отношений субъекта и языка, производимой субъектом речи, являются областью исследования психосемиотического анализа знаково-символических способов моделирования психической реальности [1; с. 32]. Осуществляемая

Для этого необходимо выделить несколько существенных тезисов, касающихся вопросов психической структуры меланхолического субъекта и сквозь призму его отношений с языком (символической сетью, миром значений) и захваченностью Воображаемым (лабиринтами, ведущими к архаическим эмоциональным представлениям, коллажами из идентификаций) приблизиться к пониманию речи, которую ведёт субъект-самоубийца, ещё не лишённый признаков

существования. Интерпретация текстов

Цель доклада — на основе теоретического анализа литературы, психосемиотического исследования интерсубъективных контекстов в поле психотерапевтического взаимодействия и материалов судебных психолого-психиатрических посмертных экспертиз представить авторское видение картины внутреннего мира субъекта-самоубийцы в качестве ориентира для психотерапевтической деятельности и дальнейших исследований по данной проблематике

Вхождение субъекта в язык через символические формы опосредования утверждают его как субъекта говорящего, обладающего психической структурой. Субъекту открывается мир других говорящих, мир символических идентификаций, сам язык становится местом его, субъекта, укоренённости. Но помимо символических, субъекту также доступны и воображаемые способы конституирования, среди которых основным является зеркальный образ субъекта. По обретения

Стадия зеркала, как известно, не охватывает всего Воображаемого. Ю. Кристева описывает эту область субъективной реальности как «простирающую свое влияние вплоть до психических модальностей, предшествовавших зеркальной идентификации, то есть вплоть до психических репрезентантов эмоций, подчиненных изменчивым правилам отклонения и ассимиляции, сжатия и сдвига» [2; с. 297]. Это область фактов внутренней реальности субъекта, которые ещё не

Здесь перед нами открывается картина психической структуры меланхолического субъекта. Несмотря на то, что «меланхолик каким-то образом вошёл в человеческий порядок», и даже сохранил иллюзию целостности, в его субъективной реальности слова не играют особой роли [3; с. 30]. К ним просто нет доверия. Чувствуя себя инвалидом в мире других говорящих, испытывая существенные затруднения в нахождении опоры в самом себе, мир слов представляется меланхолику крайне ненадёжной

Риск для меланхолика замолчать, отвергнуть язык, перестать желать говорить, угрожает ему катастрофой. Подобрать слова для аффективной боли, влияние которой порой безгранична, гораздо сложнее, чем укрыться в ней как в убежище от раздробления и дезинтеграции. Поэтому меланхолик гораздо острее, чем иные субъекты, испытывает необходимость в опосредующей функции значений, призванных выволить

К этому вопросу обращается Ж. Лакан, определяя печаль как «моральный изъян, нравственную трусость, существующую, по сути дела, в координатах мысли, иначе говоря, долга говорить искусно, найдя тем самым свое место в бессознательном, внутри структуры» [4; с. 13]. Лакан также добавляет: «Но стоит этой трусости, оборачивающейся отвержением бессознательного, сделать шаг к психозу, как немедленно следует

Несколько по иному об этом пишет Ю. Крестева, обращая внимание на важную роль, которую играет для депрессивного ребёнка его окружение: «Ввиду отсутствия использования символического, маленький ребенок, удлиняющий свое младенческое состояние, замуровывается в склепе своих незначащих аффектов, сильно раздражающих его окружение, выводящих его из самого себя, либо находящих удовлетворение в этом тайнике, если только взрослые не способны улавливать потайные

Далее представлен вольный «перевод» текстуальной и творческой активностей субъектов, структурно склонных к самоубийству, на прямую речь, которую мог бы вести субъект-самоубийца перед лицом «другого», отыщи он себе место для такого высказывания. Материалом для такого «перевода» послужили заключения судебных психолого-психиатрических посмертных экспертиз, а также проведенный автором анализ значений

«Такой же как все, но... чужой»

Чувствую ли я, что нахожусь в одной упряжке со всеми, или где-то в глубине души, явственнее, чем остальные, начинаю воспринимать, иногда ещё совсем неокрепшим разумом, свою отчуждённость, безвольную заброшенность в мир? Будучи чужим для языка, я становлюсь чужим для всех вокруг. Язык, как дом бытия человека, — моя чужбина.

«Мой аффект – моя крепость»

В языке я не закреплён, что-то во мне обрывается.

Я отворачиваюсь от языка в сторону аффекта, моего невысказанного смысла. Замуровываюсь в нём, чтобы избежать опасного отыгрывания. Но я не предъявляю другому символ своего отказа от языка, не пытаюсь этим ничего сказать, шантажировать, манипулировать его чувствами, чтобы в его разрывах тревоги снова я был мог

«Крушение эдиповой ситуации. Третий – лишний»

Чрезмерно стимулирующая активность родительской пары разрушила во мне способность к творческому созиданию чего-то третьего, символического. Какова природа такой активности? Нечто было исключено из триадных отношений, что стало частью меня и для чего я нахожу решение при помощи самоубийства: это пустота, возникшая в связи с эмоционально отсутствующими матерью

«От дезинтеграции к не-интеграции»

Мой образ себя нечёток. Ощущение постоянно присутствующего дефекта преследует меня. Не хватает элемента, который обеспечил бы связность, спаянность частей меня. Парадоксально, но я распадаюсь на части, чтобы защититься от полного уничтожения. Мои влечения мне неведомы, недоступны для меня, ведь я не могу интегрировать, вписать их, закрепить за определённым комплексом словесных

Выводы: Речь субъекта-самоубийцы находится под пристальным вниманием различных инстанций и институтов. Следует заметить, что их представителями в первую очередь обращается внимание сколько не на слова, которые такой субъект чаще всего произносит как бы вскользь, ненароком, несерьёзно, столько на поведенческие реакции, телесные отметины, эмоциональные состояния. Последние же чаще всего характеризуется противоречиво: когда для одних

Настоящая работа является попыткой наметить вектор решения данной проблематики, которая, на мой взгляд, может быть определена с помощью психосемиотического анализа знаково-символических способов моделирования психической реальности субъекта-самоубийцы, а также сформулировать следующий вывод: если такой субъект говорит о готовности уйти из жизни, значит так оно и есть. В его словах нет обмана, который свойственен любому intersубъективному взаимодействию. Также, также, здесь отсутствует

Как известно, диагностический потенциал некоторых наших методов по выявлению субъектов из группы суицидального риска, не говоря уже об их психотерапевтической функции, минимален. Ни одно массовое или индивидуальное анкетирование нам в этом не поможет. Я не предлагаю совсем отказаться от них. На войне все средства хороши. Но мы должны обладать внутренней антенной, или, по выражению Ю. Кристевой, «оптимальным

Список используемой литературы:

1. Калина Н. Ф. Лингвистическая психотерапия. - К.: Ваклер, 1999, 2011

2. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века.— Томск: Издательство «Водолей», 1998.— 320 с.

3. Лебедева Н.В. Психическая структура меланхолического субъекта с точки зрения психоанализа//Депрессия: новая реальность. Психоаналитический подход. Сборник статей - М.

СПАСИБО ЗА ВНИМАНИЕ!